

Река Чепца в обрядах и верованиях северных удмуртов

Н. И. Шутова

*Удмуртский институт, истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра,
Уральское отделение РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация,
nad_shutova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Река Чепца играет значимую хозяйственную и социальную роль в истории и культуре северных удмуртов с древних времён. Однако специальных исследований, посвящённых значению реки Чепцы в истории и культуре удмуртов, до настоящего времени не проводилось. Исключение – работы автора о роли Чепецкого края в формировании североудмуртского населения. Косвенные данные о реке содержат труды, характеризующие археологические памятники бассейна р. Чепцы, легенды и предания о чепецких богатырях, календарные и семейные обряды, проводимые возле реки.

Цель: определить роль и значение реки Чепцы в традиционных религиозно-мифологических представлениях северных удмуртов.

Материалы исследования: авторские полевые изыскания конца XX – начала XXI в., археологическая и фольклорно-этнографическая литература конца XIX – начала XXI в.

Результаты и научная новизна. Впервые проанализирована роль и значение реки Чепцы в традиционных религиозно-мифологических представлениях северных удмуртов. Выявлено, что чепецкая речная долина осмысливается как общая этническая, семейно-родовая территория. Прослежено, что значение Чепцы в жизнедеятельности северных удмуртов обусловлено не только реальными экономическими, культурологическими, но и метафизическими, иррациональными функциями. Рассмотрена семантика реки как символа родины, дороги в реальном и мифологическом измерении, границы между мирами, как средство избавления от болезней, как сакральной ценности местных удмуртов. Выявлены общекультурные (стадиально-типологические) и своеобразные черты в почитании реки. Характерными признаками в мировоззрении северных удмуртов являются развитость представлений о существах водного мира, существование целой системы культово-обрядовых действий и специальных площадок, связанных с угощением хозяев водной стихии. Определено, что антропоморфный образ хозяина водной сферы занимал более весомые позиции в удмуртских верованиях, архаичные женские олицетворения хозяев рек и другие образы водных существ отошли на второй план. Автор приходит к заключению, что река Чепца – ключевой хозяйственный, природно-ландшафтный, культурообразующий и мифологический объект для северных удмуртов.

Ключевые слова: северные удмурты, река Чепца, традиционные верования, обряды, хозяева воды, семантика

Для цитирования: Шутова Н. И. Река Чепца в обрядах и верованиях северных удмуртов // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 179–187.

The Cheptsas River in the rituals and beliefs of the Northern Udmurts

N. I. Shutova

*Udmurt Institute of History, Language and Literature,
of the Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
nad_shutova@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the Cheptsas River has a significant economic and social role in the history and culture of the Northern Udmurts since the ancient times. However, special studies on meaning of the Cheptsas River in the life of the Udmurts have not yet been conducted. An exception is the author's work on the role of the Cheptsas Region in the formation of the Northern Udmurt population. Indirect data about the river are contained in the works on the archaeological sites of the Cheptsas River basin, the Cheptsas heroes' legends, as well as the calendar and family ceremonies held near the river.

Objective: to define the role and significance of the Cheptsas River in the traditional religious and mythological worldview of the Northern Udmurts.

Research materials: author's field materials of the late XX – early XXI centuries, archeological, folklore and ethnographic literature of the late XIX – early XX centuries.

Results and novelty of the research: for the first time, the role and significance of the Cheptsá River in the traditional religious and mythological worldview of the Northern Udmurts is analyzed. It is revealed that the Cheptsá River's valley is understood (perceived) as a common (general) ethnic, family and tribal territory. It is traced that the Cheptsá River performs not only real economic, cultural, but also metaphysical, irrational functions in the life of the Northern Udmurts. The semantics of the Cheptsá River is characterized as a symbol of the homeland, a road in real and mythological dimensions, a border between worlds, a means of getting rid of diseases, as a sacred value of the local Udmurts. General cultural (stadial and typological) and original (specific) features in the veneration of the river are revealed. Peculiarities of the Northern Udmurts worldview are the developed ideas about the creatures of the water world, the presence of a whole system of rituals and special places associated with cult of the owners of the water element. It is determined that the anthropomorphic image of the water sphere master occupied a more significant position in the Udmurt beliefs, archaic female personifications of these rivers spirits and other images of water creatures faded into the background. The author comes to the conclusion that the Cheptsá River is an important economic, landscape, cultural and mythological object for the Northern Udmurts.

Key words: Northern Udmurts, Cheptsá River, traditional beliefs, rituals, masters of water, semantics

For citation: Shutova N. I. The Cheptsá River in the rituals and beliefs of the Northern Udmurts // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2023; 13 (1/52): 179–187.

Введение

Река Чепсá (удм. Чупчи; фин-уг. *чун* ‘залив’, общеперм. *си* ‘река, ручей’; река, вытекающая из залива) – левый приток Вятки. Участки территории вблизи реки являлись предпочтительными для расселения людей с древности, в пойме располагались охотничьи, пастбищные и сенокосные угодья. Река служила источником жизни, источником питьевой и технической воды и белковых продуктов (рыба, моллюски) [24, 140–141], являлась транспортной артерией, по которой осуществлялись культурные, политические и торговые связи.

Как известно, река является также важным мифологическим символом, элементом сакральной топографии [16, 374–376], выступает в качестве «некоего стрежня вселенной, мирового пути, пронизывающего верхний, средний и нижний миры» [16, 374]. Теме взаимодействия рек и культур, рек и народов посвящены два отечественных сборника, выпущенных петербургскими учёными. В них анализируются многообразные аспекты взаимоотношений человеческого общества и реки, роль реки в развитии цивилизаций и локальных культур в разные исторические эпохи на обширных территориях России и зарубежных стран [12; 13].

Река Чепца играет значимую хозяйственную и социальную роль в истории и культуре северных удмуртов с древних времён. Вместе с тем, специальных исследований, посвящённых значению реки Чепцы в жизни удмуртов, до настоящего времени не проводилось, за исключением работ автора о роли Чепецкого края в формировании севернoudмуртского населения [19]. Косвенные данные о реке содержат работы, характеризующие археологические памятники бассейна р. Чепцы [8], легенды и предания о чепецких богатырях [1], календарные и семейные обряды, проводимые возле реки [2; 6; 7; 10; 11; 19; 24].

Материалы и методы

Для написания работы привлекались материалы авторских этнографических экспедиций 1993, 1994, 1998 гг., результаты археологических и фольклорно-этнографических исследований конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. об удмуртских верованиях и обрядах.

Методологической основой исследования служит комплексный подход, теоретическую часть которого составляют принципы историзма, объективности и системности, а также диалектические принципы всеобщей связи явлений и процессов в динамике их развития. Используются общеисторические методы исследований – сравнительный, типологический, метод этнографических параллелей. Выявленные материалы рассмотрены в контексте историко-культурного развития Камско-Вятского региона.

Результаты

Чепца – ключевой хозяйственный, природно-ландшафтный, культурообразующий и мифологический объект для северных удмуртов, что обусловлено несколькими факторами. Чепецкий бассейн – территория формирования севернoudмуртского населения. В Средневековье, в IX–XIII вв. сеть локальных групп населения с местным городищем – аграрно-ремесленным центром была включена в состав социокультурного объединения с городищем Иднакар, которое выполняло функции общего этнотерриториального, административно-военного, ремесленно-торгового и религиозно-культового центра [8].

В условиях благоприятной социально-политической обстановки, в результате заимствований и аккумуляции достижений предшествующего периода здесь сформировались характерные черты материальной и духовной культуры средневековых удмуртов. Успешное ведение хозяйства,

система разделения труда, специализация ремёсел, развитие торгового обмена, концентрация предметов престижности и роскоши способствовали социальному расслоению населения и обогащению родоплеменной верхушки [19, 507–514]. Всё это позволяет говорить о чепецкой культуре как о своеобразной средневековой «цивилизации», объединяющим территориальным, хозяйственным и духовным стержнем которой явился бассейн Чепцы.

К средневековому периоду относится возникновение преданий о чепецких богатырях Донды с сыновьями, старший из них – богатырь Идна выступал в качестве главного предводителя. Этот факт подкреплён археологическими материалами, по которым центром чепецких земель являлось городище Иднакар (*Идна* имя, *кар* ‘городище, городок’) [1, № 83, 84; 11, IV, 8–12]. Характерно, что покидая бассейн р. Чепцы и заселяя верховья её левых притоков, северные удмурты разносили свой диалект и предания о богатыре Идне южнее, в верховья Ижа и Вотки – правых притоков Камы [18, 292]. Выработка общих черт культуры северноудмуртского населения происходила в пределах государственного объединения Вятская земля, позднее в рамках Русского государства, а точнее её структурного подразделения – Вятской губернии.

Река Чепца (*Чупчи-шур*) – символ родины, фактор этнической общности. Процесс формирования северноудмуртской общности в Чепецком бассейне нашёл отражение в чувстве единения, взаимосвязанности и взаимообусловленности северного удмурта с рекой. В молитвах удмуртов, записанных в 1838 г.: «Дай, Господи, чтобы всяких цветов было по двенадцати родов. Пусть падает медовая роса. Ежели пойдём в лес, то пусть навстречу вылетают из ульев пчёлы; <...>. Когда постелем на стол золотую скатерть, то вся она была бы в меду, с пивом и вином, и все были сыты, пьяны и довольны. С гостями, приходящими от вершины Чепцы и устья её, дай Бог, знакомиться и жить мирно...» [7, 30].

При проведении праздника Почы Гербер (букв. ‘после малой страды’), который часто проводили после моления водяному *Вумурту* возле р. Черцы (*Чупчи дурэ*), совершалась общая трапеза *шыд-сиён*, для чего каждый домохозяин закалывал белого барана. В молитвенных обращениях к небесному божеству *Инмару*, божеству плодородия *Кылдысину*, божеству погоды и атмосферных явлений *Куазю*, хранителю счастья семьи и рода *Вориуду* высказывали благодарность за удачное заверше-

ние сенокоса и выражали просьбу о будущем благополучном завершении жатвы, о размножении родни и потомства: «Да умножится состоятельная родня наша от истоков Чепцы и распространится она до устьев ея: чтобы расселилась золовка подле золовки, сноха подле снохи...» [11, II, 76–77; 11, III, 26–27].

Неосознанную глубинную связь с рекой осознавали и современные жители. Так, удмуртский филолог Конюхова Августа Васильевна (1911 г. р.), отличник народного образования, заслуженный учитель, родившаяся в д. Удмурт Лем (бывший Глазовский уезд Вятской губернии, ныне Дебесский р-н УР) говорила, что вся её сила и энергия от р. Чепцы, которая берёт начало на западных склонах Уральских гор.

Река Чепца – символ дороги в реальном и в мифологическом измерении. С древности в условиях непроходимых лесов и болот функционировал водный путь по р. Чепце. В мифологическом сознании река также рассматривалась как связующее звено между миром людей и иными мирами: умершими предками, обитавшими ниже по течению реки, и высшими божествами, располагавшимися выше по течению реки от деревни. Так, у удмуртов сохранились устойчивые воззрения о реке, как о дороге, по течению которой уходят души умерших [5, 76].

У народов Сибири горизонтальный ракурс восприятия Вселенной запечатлён в связке «поселение – кладбище – святилище», когда поселение осмысливается как Средний мир, кладбище – как Нижний, святилище – как Верхний [9, 126–127; 15, 164–166]. В условиях промышленного освоения края и православного влияния эти идеи у северных удмуртов оказались размытыми, однако чётко соблюдаются в сакральной топографии завятских удмуртов: святилища, посвящённые высшим божествам, размещены выше по течению реки от деревни, а кладбища и культовые места, связанные с почитанием низших существ, – ниже по течению реки.

Вниз по реке «спускали» духов, лесного. «Однажды пошли в лес дрова рубить, складывали их по отдельности. Вдруг слышу, кто-то как свистнет, под ногами земля задрожала, волосы дыбом встали. Про себя сказала: “*Шур уллань кариськы* (Вниз по реке отправляйся)”, несколько раз повторила. Ушёл дальше, всё смолкло» [ПМА 1: Леконцева]. «Как-то вино варили в лесу, и вдруг послышался очень громкий голос, всё ближе и ближе. Мы, говорит, только повторяли: «*Шур уллань, шур уллань* (‘Вниз по реке, вниз по реке’)».

Вниз по реке и прошёл шум» [ПМА 1: Кожевникова]. Когда требовалось прекратить моление, следовало «пустить моление по воде». Выражение *вöсез шур кузя лэзьыны/сяська вылэ лэзьыны* ('отпустить моление по воде/по цветам') означало церемонию прекращения моления [ПМА 2: Маркелова, Суворова].

Река – средство избавления от болезней и несчастья. Водная стихия символизирует как смерть, так и возрождение. Одна из главных функций воды: вода разлагает, растворяет, в то же время очищает и возрождает [20, 346–347, 384; 21, 130–131]. В мифологии многих народов река воспринималась как река жизни и возрождения (Ганг у индусов, Нил у египтян, Стикс у греков, Иордан для христиан) [14, 402–403; 26, 7, 336, 635, 639–640, 959–960]. С этими свойствами воды были обусловлены обряды, проводимые для исцеления от болезней и избавления от других напастей. В северноудмуртской среде было распространено купание в реке для выздоровления. Известны поверья, согласно которым речная вода избавляет от болезней, поэтому при продолжительных хворях больного обливали водой у реки. При водоосвящении в день первого Спаса некоторые больные входили в реку, а одежду, в которой окунались, оставляли в воде. Страдавшие чесоткой, попарившись на Великий четверг в бане, выбрасывали свои веники в реку, чтобы во время ледохода вместе с веником избавиться от болезни. У удмуртов сохранились глухие представления о «живой» и «мёртвой» реке [17, 131, 153–156].

В ряде случаев, когда выходили болячки, волдыри (*ву пульты*) и когда считали, что это связано с рекой, говорили: «*Шур кутэм* (букв. 'река схватила')», брали уголь, хлеб, соль, обводили вокруг головы и выбрасывали в реку [ПМА 3: Серебренникова]. От лихорадки, заразных болезней старались обезопасить себя, бросая в реку специально изготовленную куколку. «У меня как-то рука заболела/вспухла. Я взяла чистую тряпочку, изготовила из неё куклу, три раза покрутила её вокруг больного места со словами: "Когда болячка выйдет из этой куклы, тогда пусть и у меня выйдет болячка". После захода солнца, либо после восхода солнца нужно бросить эту куклу в устье реки. При этом не следует ни с кем ни разговаривать, ни оглядываться назад при возвращении. Бросать через левое плечо, повернувшись спиной к реке. Я делала так три раза» [ПМА 1: Хозяйкина]. Удмурты полагали, что река может унести всё плохое (горе, болезнь,

несчастье, тоску, лень): «*Кõt жöжез вүя келяны* ('Всё грустное, обидное, злое надо отправить по реке')» [5, 76]. С помощью реки избавлялись от клопов, капустных гусениц, других насекомых, для чего проводили специальные обрядовые действия [5, 76; 6, 79–81; 17, 161–162].

Со свойством воды очищать, возрождать связана церемония ритуального купания молодущек (*кен пылатон*). Этот обряд – своеобразная инициация, способствовавшая рождению женщины в новом качестве, обеспечивала её здоровьем и плодородием. Такой свадебный ритуал знаменовал приобщение нового члена семьи к хозяйству местной реки. Молодую вели к реке за водой. Она опускала в воду кусочек хлеба с маслом – дар водяному *Вукузё*, чтобы он не чинил зла новому члену общества, набирала воды. После этого обрызгивали водой участников обряда [17, 124, 172].

Река как граница между мирами. В сказках река представляла в виде границы между земным и потусторонним враждебным миром, служила преградой проникновению злых сил в мир людей. В д. Варклед-Бодья (Агрызский р-н РТ) поминальные жертвы умершим проводили по ту сторону реки от поселения [5, 76–77]. Случалось, что человек переплывал реку и исчезал на несколько дней. Когда он возвращался, выяснялось, что для самого человека прошло всего несколько минут [ПМА 1: Тимофеева]. Во время церемонии переноса святилища (угли, зола, деревья или его части, др.) с одного места на другое, было запрещено пересекать реки или ручейки, их следовало огибать по верховьям, чтобы не растерять сакральной силы святыни [ПМА 2: Харитонова, Суворова].

Мифологические представления о хозяевах реки. В мировоззрении северных удмуртов Чепца символизировала животворящую водную стихию, имевшую многочисленные воплощения. Наиболее древними из них являлись зооморфные образы: конь, бык, змея, некоторые пресмыкающиеся и земноводные [5, 78–80; 6, 86], в конце XIX – начале XX в. распространились антропоморфные образы стихии воды. Общий дух воды – водный человек *Вумурт* /водный хозяин *Вукузё*, мать воды *Вумумы*, дух воды *Вупери*. Имелись представления об образных воплощениях конкретной реки, родника, озера. Хозяева реки и водных источников воспринимались как родные – водные матушка-батюшка *Вумума-бу-ба*, водяная сестрёнка *Вумурт*, матушки рек Чепцы (*Чупчи-мумые*, позднее *Чупчи-матуш-*

кае). Пызэпа и др. С водной средой связаны также злые духи переходного времени *вожо*, олицетворявшие умерших предков [23, 89–90; 25, 35–36].

По удмуртским представлениям, водяной *Вумурт* или *Вукузё* – человекоподобное, часто голое существо с огромными глазами и длинными чёрными волосами. Его представляли в виде огромной щуки [22, 195], старичка, мужика, невидимки и др.¹ Считали, что он любил проживать в больших водоёмах, реках, в ручьях, болотах и мельничных прудах. По словам деревенских жителей, он скрывался в болотистых заводях, среди тростника, осоки, возле плотин у мельниц или в глубоких речных омутах². Под водой у него имелись дом и семья, иногда он ходил по базарам в облике крестьянина. Его легко могли узнать по мокрой левой поле одежды. Увидеть его считалось к смерти или иной беде. Принадлежность жены или дочери *Вумурта* «иному» миру выдавали невероятная красота и белоснежное тело [22, 195].

Удмуртский водяной приносил беду людям и животным, мог насылать болезни, зимой ломал лёд под ногами путников. Однако в спокойном состоянии помогал мельнику загонять рыбу в невод. Считается, что он оберегал водоплавающих птиц и способствовал увеличению их численности [22, 195–197]. По народным поверьям, к безобидным забавам *Вумурта* относили то, что он мог порвать или запутать сети рыбакам, напугать лошадей, коров у водопоя, засосать в болоте сапоги человека, утопить в колодце ведро. Но он мог утащить человека под воду, к нему следовало относиться уважительно, задабривать, не засорять водоёмы. Способами защиты от него является молитва, крест, нецензурная брань, надетая наизнанку одежда³. Осенью водяному даровали утку или гуся, чтобы никто не утонул и не заболел лихорадкой, просили защитить гусей и уток и обеспечить их приплод. При этом кровь жертвенной птицы, её кости, кусочек мяса и хлеба бросали в воду. Водяного задабривали в случае повреждения мельничной плотины или наводнения, просили дождя, изобилия рыб и водоплавающих птиц [22, 195–197]. Аналогичные воззрения были характерны и для других финно-угорских народов [22, 191–216].

Под русским влиянием среди удмуртов появились представления о русалках: «*Вумуртам* молились, чтоб плотину на пруду не сорвали. Они непокорные, своенравные. До 17 мая нельзя было открыть окна, тогда пробуждались русалки, они приносят неприятности для дома. Мельник русский говорил, что они и Христу не покорились» [ПМА-3: Вахрушева].

Река как сакральная ценность. Существовала система табуации, связанная с водой и её атрибутами: не разрешалось осквернять воду (плевать, справлять нужду в реке или на её берегу, сливать нечистоты). Имелись запреты купаться, полоскать белье, кричать и шуметь возле реки в период летнего солнцестояния Инвожо [5, 77; 6, 76–77; 17, 153–156, 171–173]. Переходя реку или ручей, удмурт обращался к ней с особым почтением, как к живому существу: «*Мынон сюресэд каньыл мед луоз, мыным вождэ эн поты, тау тыныд монэ утемед, миськемед, чылкыт воземед понна* ('Да будет лёгким твой путь. Не сердись на меня, спасибо тебе за то, что бережёшь меня и содержишь в чистоте')» [3, 18].

Для оседлых культур река и её притоки служили символом щедрости и плодородия [14, 403]. Существовали специальные молитвы-куриськоны, обращенные к матушке Чепце (*Чупчи-матушка*) и хозяину воды *Вумурту*, призванные обеспечить людей хорошим уловом рыбы:

«*Чупчи-матушка-э, вождэ эн вай! Чорыганы лыктй!*

Ву-муртэ тань, нянь ныр куштысьско: зэкс-э-зэксэ чорыгдэ сёт!

Кыдёкысьсэ матэ вай, берог дурэ вай! Окпол-кыкпол-ке кыским-кисьтим-поним песь-тэрын нуымон сёт, ву-муртэ понымон сёт, ву-муртэ, Чупчи-матушка-э!

Сетьмес, мордамес, намотмес, калтонмес эн иса, вумуртэ!

Матушка-Чепца! Не гневайся на нас! Я пришёл ловить рыбу.

Вот Водяной, я кидаю тебе горбушку хлеба: большую-пребольшую рыбу дай!

Из далека поближе давай, давай к берегу! Когда мы один-два раза сделаем тоню, – подай нам, водяной, Чепца-матушка, чтобы наполнились наши обширные и уёмистые пестери!

¹ Зиновьева Ю. В. Современное мифотворчество удмуртов (на примере Шарканского района Удмуртии). Дипломная работа. Глазов, 2009. С. 34–35.

² Зиновьева Ю. В. Современное мифотворчество удмуртов (на примере Шарканского района Удмуртии). Дипломная работа. Глазов, 2009. С. 34.

³ Зиновьева Ю. В. Современное мифотворчество удмуртов (на примере Шарканского района Удмуртии). Дипломная работа. Глазов, 2009. С. 35.

Над нашими сетями, наметами и бреднями не шути, о водяной!» [11, III, 35].

Почитание водных источников (реки, родника, озёра, болота) вызвало существование специальных культовых мест, на которых совершались жертвоприношения хозяевам реки или родника. В 1885 г. Н. Г. Первухин наблюдал проведение церемонии *Йё келян* на деревянном помосте, установленном на сваях в воде и окружённом перилами. Возле р. Чепцы или местной реки жертвовали рыжего бычка водяному *Вумурту*. В конце XIX – начале XX в. в Чепецком крае регулярно проводились моления хозяевам реки: весенний праздник *Йё келян* ('проводы льда') [10, 548–549; 2, 49–50, 56–58; 11, II, 41–46, 57] и осенний *Чёж сиён* ('трапеза с уткой'). При этом кровь жертвенной птицы, немного *кумышки* и пива пускали в воду, кусочки еды отправляли на льдине или бросали в воду. Обряды «проводов реки», «дарения реке» во время ледохода были широко распространены у русских Прикамья [4, 419].

У реки, родника или ручейка совершали обряд принесения в жертву духам родников и ручейков, *кутисям* и душам умерших предков утки, называемый *Чёж-сиён* (букв. 'трапеза с уткой'). Утку закалывали, выливали в воду кровь птицы, бросали голову, ноги и внутренности. Отваривали утку в котле с ячневой крупой. Молились, бросали три раза по три ложки каши с мясом в воду и совершали общественную трапезу. Моления возле реки Чепцы (*Чупчи дурэ*) проводили в день выезда на пашню, после окончания сенокоса. Осенью приносили благодарственные жертвы водяному *Вумурту* (*Вумуртлы курбон*) [2, 49–50; 11, II, 60–62, 94–95, 101–102]. У реки проводили и окказиальные моления. При обряде вызывания дождя (*зор курон*) участники обряда сталкивали друг друга в реку, кое-где в реку бросали и жертвенного барана, в иных местах купали черную курицу или овцу [17, 153–156].

Ряд признаков, связанных с рекой и её почитанием, имеют параллели в славянской мифологии. Здесь также река символизирует путь в иной мир, связывающий живых с мёртвыми; границу, разделяющую пространство на «своё» и «чужое». Река также рассматривается как демонический локус, место обитания водяного, русалки и пр. Речной воде приписывается очистительная и живительная сила [4, 416–418].

Обсуждение и заключение

В конце XIX – начале XX в. почитание реки Чепцы и других водных источников в северно-

удмуртской среде имело устойчивые традиции, отголоски которой сохранились до наших дней. Антропоморфный образ хозяина водной сферы *Вумурт* или *Вукузё* занимал весомые позиции в удмуртских верованиях, архаичные женские олицетворения хозяев рек (*Чупчи-мумы*, *Чупчи-матушка*), другие образы водных существ отошли на второй план. В Чепецком крае регулярно проводились весенние *Йё келян* ('проводы льда') и осенние моления *Чёж сиён* ('трапеза с уткой'), посвящённые хозяевам реки. Характерной чертой являлось ритуальное выпроваживание болезней, бед и несчастий по реке. Приведённые обычаи демонстрируют восходящую к Средневековью глубинную связь местного сообщества с р. Чепцой.

Почитание Чепцы – своеобразный этнический маркер северноудмуртской культуры. Река, наряду с рельефом местности, административным и политическим делением, историей региона оказалась важным фактором формирования этнического, сакрального и диалектного ландшафта. Расселение в относительно изолированном Чепецком речном бассейне стимулировало возникновение и функционирование этнотерриториальной общности северных удмуртов, привело к формированию единого диалекта, общих черт материальной и духовной культуры. Река Чепца как особая духовная ценность способствовала консолидации чепецкого удмуртского населения. Северные удмурты оказались объединены единой и мощной водной артерией, регулирующей направление культурных и духовных связей и ценностей в горизонтальном и в мистическом вертикальном плане. Северноудмуртская или чепецкая этносоциальная общность в последующем составила основу удмуртского этноса. Река и её притоки, прилегающие территории, окружающий ландшафт оказали влияние на оформление мировоззренческой системы этой группы населения, в которой Чепца-матушка, её речная долина осмысливаются как «родина» чепецких племен, как общая этническая, семейно-родовая территория.

Значение реки в жизнедеятельности северных удмуртов обусловлено не только реальными экономическими, культурологическими, но также и метафизическими, иррациональными функциями, выполняемыми рекой. Роль Чепцы объясняется общей семантикой водной сферы как одного из главных элементов сакрального ландшафта и оси Вселенной. Как в мифологии других народов, река рассматривалась в качестве

базовой основы мирового устройства, объединяющего верхний, средний и нижний миры, служила границей земного и нижнего миров, границей между живыми и мертвыми. При этом стихия воды символизировала нижний, потусторонний и опасный для человека мир.

Стадиально-типологические сходные черты в почитании реки и, в целом, водной стихии имеют общекультурный характер. Особенностью мировоззрения северных удмуртов является развитость представлений о существах водного мира, что обусловило существование целой системы культово-обрядовых действий и специальных площадок, связанных с угощением хозяев водной стихии, культом реки и других водных источников.

К своеобразным удмуртским чертам относится также проведение обрядов проводов льда Йё келян, которые получили распространение и у соседнего русского населения Прикамья. Особое почитание Чепцы привело к её сакрализации.

Таким образом, река Чепца – ключевой хозяйственный, природно-ландшафтный, культурообразующий и мифологический объект для северных удмуртов. Это обусловлено следующими факторами: территория формирования севернудмуртской этнотерриториальной группы населения; хозяйственная и транспортная артерия; важный социальный, этнический и духовный символ; архетип водной среды, как первоосновы мира и мировой реки, связующей три сферы Вселенной.

Список источников и литературы

1. Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданиос = [Ватка и Калмез: Удмуртские народные легенды и предания] / Сост. Н. П. Кралина но П. К. Поздеев. Ижевск: Удмуртия, 1971. 162 с.
2. Верещагин Г. Е. Старые обычаи и верования вотяков (Глазовский уезд) // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 93. № 4. С. 37–78.
3. Виноградов С. Н. Элементы традиционного мировоззрения удмуртов // *Uralistica: the world of Finno-Ugric and Samoyed Peoples*. 2012. URL: <http://uralistica.com/group/forum/topics/2161342:Topic:155933> (дата обращения: 25.01.2023).
4. Виноградова Л. Н. Река // *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах* / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 416–419.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
6. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст. Ижевск: МонПоражен, 2018. 298 с.
7. Герцен А. И. Вотяки и черемиса // *Труды Научного общества по изучению Вотского края* / Под ред. Ф. Стрельцова. Ижевск: Удкнига, 1927. Вып. 3. С. 25–31.
8. Иванова М. Г. Удмурты в эпоху средневековья (По материалам бассейна р. Чепцы конца I – начала II тысячелетия н. э.): автореф. ... док. ист. наук. М., 1996. 48 с.
9. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
10. Крекнин С. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // *Вятские епархиальные ведомости*. 1899. № 11. С. 542–563.
11. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5-ти эск. Вятка: Губерн. Типогр., 1888–1889. Эскиз II. 141 с.; Эскиз III. 83 с.; Эскиз IV. 84 с.
12. Природа и цивилизация. Реки и культуры. Материалы конференции / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Европ. дом, 1997. 271 с.
13. Реки и народы Сибири / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 281 с.
14. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын. М.: Локид-Пресс, 2003. 495 с.
15. Сподина В. И., Попова С. А. Модели мироздания в обско-угорской картине мира: к вопросу об исходной структурности пространства // *Вестник угроведения*. 2022. Т. 12. № 1. С. 163–173. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-1-163-173.
16. Топоров В. Н. Река // *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т.* / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 374–376.
17. Христоробова Л. С. Калык сямьёсты чакласа: Дышетскисьёслы краеведения юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 с.
18. Шутова Н. И. Обряды и верования шарканских удмуртов Сосновской округи // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2022. Т. 16. № 2. С. 283–294. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-283-294.
19. Шутова Н. И. Этнотерриториальные группы удмуртов: состояние источников, проблемы и итоги изучения // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2019. Т. 13. № 3. С. 503–519. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-486-502.
20. Элиаде Мирча. Трактат по истории религий. В 2-х томах. СПб.: Алетея, 1999. Т. I. 394 с.
21. Eliade M. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1959. 256 p.
22. Holmberg, U. *Finno-Ugric, Siberian Mythology // The Mythology of All Races*. Boston: Archaeological Institute of America, 1927. Vol. 4. № 25. 734 p.

23. Lintrop, Aado. About *vozho*, the Spirit of Transition Time and Formation of Holiness among Udmurt and Komi // Sator. 2021. № 22. Pp. 83–106. DOI: 10.7592/Sator.2021.22.03.
24. Lintrop A. Soome-Ugri Reisid. Tartu: EKM Teaduskirjastus, 2022. 336 p.
25. Vladykina T., Glukhova G., Panina T. The Udmurt Pantheon and the Udmurt Worldview // Sator. 2021. № 22. Pp. 31–72. DOI: 10.7592/Sator.2021.22.01.
26. Walker B. The Woman's Dictionary of Symbols and Sacred Objects. San Francisco: Harper&Collins Publ., 1983. 1119 p.

Полевые материалы автора

ПМА 1 – Экспедиция в Игринский район Удмуртской Республики, 1994 г. (информанты: д. Порвай – Т. А. Леонцева, 1923 г. р.; д. Лонки-Ворцы – А. Г. Кожевникова, 1928 г. р., А. Ф. Тимофеева, 1921 г. р.; д. Нязь-Ворцы – Е. М. Хозяйкина, 1928 г. р.).

ПМА 2 – Экспедиция в Граховский район Удмуртской Республики, д. Нижние Юраши, 1998 г. (информанты: А. Н. Маркелова, 1910 г. р.; А. Т. Суворова, 1942 г. р.; М. К. Харитоновна, 1937 г. р.).

ПМА 3 – Экспедиция в Дебесский и Шарканский районы Удмуртской Республики, 1993 г. (информанты: д. Варни – А. С. Серебренникова, 1931 г. р.; д. Тыловыл – К. Д. Вахрушева, 1912–1914 г. р.).

References

1. *Vatka no Kalmez. Udmurt kalyk legendaos no predanios* [Vatka and Kalmez. Udmurt legends and tales]. Comp. by N. P. Kralina, P. K. Pozdeev. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1971. 162 p. (In Udmurt)
2. Vereshchagin G. E. *Starye obychai i verovanija votjakov (Glazovskij uezd)* [Old customs and beliefs of the Votyaks (Glazovsky District)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1910, no. 93 (4), pp. 37–78. (In Russian)
3. Vinogradov S. N. *Elementy tradicionnogo mirovozzrenija udmurtov* [Elements of the traditional worldview of the Udmurts]. *Uralistica: the World of Finno-Ugric and Samoyed Peoples*, 2012. Available at: <http://uralistica.com/group/forum/topics/2161342:Topic:155933> (accessed January 25, 2023). (In Russian)
4. Vinogradova L. N. *Reka* [The River]. *Slavjanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' v 5-ti tomah* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija Publ., 2009. Vol. 4. pp. 416–419. (In Russian)
5. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologičeskaja kartina mira udmurtov* [Religious and mythological worldview of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
6. Vladykina T. G. *Udmurtskij fol'klornyj mirotekst* [Udmurt folklore world-text]. Izhevsk: MonPorazhen Publ., 2018. 298 p. (In Russian)
7. Herzen A. I. *Votjaki i cheremisa* [The Votyaks and Cheremis]. *Trudy Nauchnogo obščestva po izučeniiju Vot'skogo kraia* [Proceedings of the scientific society for the study of the Votyak region]. Ed. by F. Streltsov. Izhevsk: Udkniga Publ., 1927. Iss. 3. pp. 25–31. (In Russian)
8. Ivanova M. G. *Udmurty v epokhu srednevekov'ia (Po materialam basseina r. Cheptsy kontsa I – nachala II tysjačeleťia n. e.)* [The Udmurts in the Middle Ages (According to the materials of the Cheptsy River basin of the late I – early II millennia AD)]. Moscow, 1996. 48 p. (In Russian)
9. Kosarev M. F. *Osnovy jazyčeskogo miroponimania: Po sibirskim arheologo-etnografičeskim materialam* [Fundamentals of the pagan worldview: Based on Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga-100 Publ., 2003. 352 p. (In Russian)
10. Kreknin S. *Votjaki Glazovskogo uezda i kratkij očerh hristianskoj missii sredi nih* [The Votyaks of the the Glazovsky District and the brief essay on the Christian mission among them]. *Vjatskie eparhial'nye vedomosti* [Vyatka Diocesan Gazette], 1899, no. 11, pp. 542–563. (In Russian)
11. Pervukhin N. G. *Eskizy predanij i byta inorodtsev Glazovskogo uezda* [Essays of legends and everyday life of the native peoples of the Glazovsky District]. Vyatka: Gubernskaja Tipogr. Publ., 1888–1889. Essay II. 141 p.; Essay III. 83 p.; Essay IV. 84 p. (In Russian)
12. *Priroda i civilizacija. Reki i kul'tury. Materialy konferencii* [Nature and Civilization. Rivers and cultures. Conference materials]. Ed. by L. R. Pavlinskaya. Saint-Petersburg: Evrop. Dom Publ., 1997. 271 p. (In Russian)
13. *Reki i narody Sibiri* [Rivers and peoples of Siberia]. Ed. by L. R. Pavlinskaya. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2007. 281 p. (In Russian)
14. *Simvolj, znaki, emblemy: Enciklopedija* [Symbols, signs, emblems: Encyclopedia]. Comp. by V. Ye. Bagdasaryan, I. B. Orlov, V. L. Telitsyn; ed. by V. L. Telitsyna. Moscow: Lokid-Press Publ., 2003. 495 p. (In Russian)
15. Spodina V. I., Popova S. A. *Modeli mirozdanija v obsko-ugorskoj kartine mira: k voprosu ob ishodnoj strukturnosti prostranstva* [Models of the Universe in the Ob-Ugric picture of the world: to the question of the initial structural nature of space]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 163–173. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-1-163-173. (In Russian)
16. Toporov V. N. *Reka* [The River]. *Mify narodov mira. Enciklopedija v 2-h tomah* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 vols]. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Sov. Enciklopedija Publ., 1992. Vol. 2. pp. 374–376. (In Russian)
17. Kristolyubova L. S. *Kalyk sjamjosty chaklasa: Dyshetskis'josly kraevedenieja jurttjet* [Observing the folk customs: to help students in local history]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1995. 212 p. (In Udmurt)

18. Shutova N. I. *Obrjady i verovanija sharkanskih udmurtov Sosnovskoj okrugi* [Rites and beliefs of the Sharkan Udmurts of the Sosnovka District]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, no. 16 (2), pp. 283–294. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-283-294. (In Russian)
19. Shutova N. I. *Etnoterritorial'nye gruppy udmurtov: sostojanie istochnikov, problemy i itogi izuchenija* [Ethno-territorial groups of the Udmurts: state of sources, problems and results of the study]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (3), pp. 503–519. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-486-502. (In Russian)
20. Eliade Mircha *Traktat po istorii religij v 2-h tomah* [Treatise on the history of religions in 2 vols]. Saint-Petersburg: Aleteija Publ., 1999. Vol. 1. 392 p. (In Russian)
21. Eliade M. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1959. 256 p. (In English)
22. Holmberg U. *Finno-Ugric, Siberian Mythology. The Mythology of All Races*. Boston: Archaeological Institute of America, 1927. Vol. 4. No. 25. 734 p. (In English)
23. Lintrop A. About *vozho*, the Spirit of Transition Time and Formation of Holiness among Udmurt and Komi. *Sator*, 2021, no. 22, pp. 83–106. DOI: 10.7592/Sator.2021.22.03. (In English)
24. Lintrop A. *Soome-Ugri Reisisid*. Tartu: EKM Teaduskirjastus Publ., 2022. 336 p. (In Estonian)
25. Vladykina T., Glukhova G., Panina T. The Udmurt Pantheon and the Udmurt Worldview. *Sator*, 2021, no. 22, pp. 31–72. DOI: 10.7592/Sator.2021.22.01. (In English)
26. Walker B. *The Woman's Dictionary of Symbols and Sacred Objects*. San Francisco: Harper&Collins Publ., 1983. 1119 p. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *Ekspediciya v Igrinsky rajon Udmurtskoj Respubliki, 1994 g. (informanty: d. Porvay – T. A. Lekontseva, 1923 g. r.; d. Lonki-Vortsy – A. G. Kozhevnikova, 1928 g. r., A. F. Timofeeva, 1921 g. r.; d. Nyaz-Vortsy – E. M. Khozyaykina, 1928 g. r.)* [Expedition to the Igrinsky District of the Udmurt Republic, 1994 (informants: the village of Porvay – T. A. Lekontseva, 1923 year of birth; the village of Lonki-Vortsy – A. G. Kozhevnikova, 1928 year of birth, A. F. Timofeeva, 1921 year of birth; the village of Nyaz-Vortsy – E. M. Khozyaykina, 1928 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v Grakhovsky rajon Udmurtskoj Respubliki, d. Nizhnie Yurashi, 1998 g. (informanty: A. N. Markelova, 1910 g. r.; A. T. Suvorova, 1942 g. r.; M. K. Kharitonova, 1937 g. r.)* [Expedition to the Grakhovsky District of the Udmurt Republic, the village of Nizhnie Yurashi, 1998 (informants: A. N. Markelova, 1910 year of birth; A. T. Suvorova, 1942 year of birth; M. K. Kharitonova, 1937 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspediciya v Debes and Sharkan rajony Udmurtskoj Respubliki, 1993 g. (informanty: d. Varni – A. S. Serebrennikova, 1931 g. r.; d. Tylovyl – K. D. Vakhrusheva, 1912–1914 g. r.)* [Expedition to the Debessky and Sharkansky Districts, 1993 (informants: the village of Varni – A. S. Serebrennikova, 1931 year of birth; the village of Tylovyl – K. D. Vakhrusheva, 1912–1914 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шутова Надежда Ивановна, профессор, ведущий научный сотрудник Удмуртского института, истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра, Уральское отделение РАН (426004, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), доктор исторических наук.

nad_shutova@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6288-8573

Shutova Nadezhda Ivanovna, Professor, Leading Researcher of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (426004, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Lomonosov St., 4), Doctor of Historical Sciences.

nad_shutova@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6288-8573